

УДК 808.51:[811.161.1+811.111]
ББК 83.7(2Рос)+83.7(71)

Н.В. Дудкина

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР
«ПОЗДРАВЛЕНИЕ»
В РУССКОЙ
И АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ**

Рассматривается речевой жанр «поздравление», проводится разграничение понятий «речевой жанр» и «речевой акт», а также рассматриваются особенности и различия в поводах для поздравления в американской и русской лингвокультурах.

Ключевые слова: *речевые жанры, поздравление, лингвокультура.*

Дудкина Ника Валерьевна – аспирант кафедры русского языка Южного федерального университета
Тел.: 8-909-420-96-20
E-mail: nika.dudkina@gmail.com

Прежде чем переходить к сопоставительному анализу функционирования речевого жанра поздравления в русской и американской лингвокультурах, необходимо остановиться на различиях между понятиями «речевой жанр» и «речевой акт». Этот вопрос важен из-за того, что от ответа на него зависит объем рассматриваемых фактов. По нашему мнению, понятия «речевой жанр» и «речевой акт» несводимы друг к другу, они существуют в различных плоскостях, рассматривают одни и те же факты с различных точек зрения и лишь в некоторых отношениях пересекаются. Как следует из внутренней формы данных терминов, а также из их толкований, понятие «речевой акт» соотносится с речевым действием коммуниканта, тогда как понятие «речевой жанр» — с устойчивой формой высказывания (текста).

Между этими понятиями имеется много общего. В частности, некоторые речевые жанры целесообразно анализировать с точки зрения категории «цель», которая оказывается еще более важной при анализе речевых актов. Некоторые исследователи в этом отношении даже занимают крайнюю позицию: «Основанием идентификации речевого жанра считаются цели: есть новая цель – есть речевой жанр» [Дементьев, с. 117]. Тем не менее совершенно очевидно, что далеко не всем речевым жанрам может быть поставлена в соответствие какая-то определенная цель, и это утверждение с точки зрения анализа речевых актов звучит абсурдно. Так, деловое письмо является устойчивой

формой высказывания, которая позволяет участникам коммуникации достигать самых разнообразных целей, причем автор делового письма вправе выбирать некоторые из возможных целей, а также использовать их сочетание в рамках одного текста (например, информировать и предлагать, информировать и выдвигать требования, а также поздравлять, приглашать и т. д.). У делового письма может быть выделена особая цель, но формулируется она иначе, чем в случае с речевым актом. Цель речевого акта, как правило, конкретна и может быть обозначена одним словом; цель речевого жанра часто оказывается гораздо более «размытой», неопределенной, потому что она обобщает множество частных подцелей.

Что касается речевого жанра поздравления, то в этом случае отождествление речевого акта, выбор которого диктуется определенной целью, и речевого жанра может показаться естественным. В самом деле, это справедливо для минимальной реализации речевого жанра «поздравление», которое может иметь вид отдельного высказывания: *Поздравляю с Новым годом! / Happy New Year!* Тем не менее, такое отождествление речевого акта и речевого жанра в случае с поздравлением не представляется правомерным. Как указывает А.П. Сковородников, в плане речевой деятельности речевой жанр «чаще соотносится с некоторой совокупностью речевых актов, но может соотноситься и с одним речевым актом (например, в жанрах пословицы, афоризма)» [Сковородников, с. 6]. Дело в том, что речевой жанр поздравления может иметь развернутую реализацию (как, например, в случае с поздравительным письмом или поздравительной речью). И подобное «разворачивание» поздравления осуществляется за счет включения других речевых актов, главным образом — «пожелания» и «похвалы», а также «обращения» (в редких случаях «совета»). Ср. вполне типичный текст поздравительной открытки: *Дорогая Юлечка!* (обращение) *Поздравляю тебя с наступающим Новым годом!* (поздравление) *Пусть все твои цели этом году будут достигнуты. Все твои загаданные желания сбудутся. Все хотения осуществляются* (пожелание). *Оставайся такой же красивой, доброй и отзывчивой девочкой* (похвала, в основе которой лежит признание красоты, доброты и отзывчивости подруги). *Побольше новых встреч и новых друзей* (пожелание). *Your friend Алена* (подпись). *P. S. И не забывай про наш кружок* (совет).

Представляется несомненным, что описание подобного рода развернутых структур гораздо удобнее осуществлять в терминах теории речевых жанров. В этом случае мы можем представить речевой жанр как совокупность субжанров или речевых актов, которые различаются с точки зрения отношения к ядру и периферии речевого жанра, обязательности / факультативности использования, функции в его композиционной структуре и т. д. При этом термины «субжанр» и «речевой акт» в этом отношении являются практически равноценными. В этом отношении из общего ряда выпадает только компонент «обращение», который, являясь речевым актом, вряд ли может выступать в качестве

самостоятельного речевого жанра, поскольку за обращением непременно должны следовать другие речевые действия. В свете сказанного обращение можно рассматривать как, например, этикетную единицу, не обладающую самостоятельностью и выполняющую в составе речевого жанра вспомогательную функцию.

Уже достаточно давно было замечено, что поздравление в англо-американской культуре заметно отличается от поздравления русского [Формановская, Шевцова, с. 34]. Различие это заключается, прежде всего, в поводах для поздравления, смешение которых может привести к недопониманию в рамках межкультурной коммуникации. Тем не менее этот феномен не был описан, проанализирован и осмыслен с лингвокультурологической точки. Именно этот пробел мы попытаемся восполнить в рамках данной работы.

Между русскими и англоязычными поздравлениями обнаруживается целый ряд различий, которые связаны с поводом для поздравлений.

1. Одно из важнейших различий между русскими и американскими поздравлениями заключается в том, что американские поздравления в целом характеризуются более персонализированными, а русские — менее персонализированными поводами.

Что в данном случае понимается под персонализацией повода для поздравления? Любой повод для поздравления является типичным. Это в целом согласуется с определением речевого жанра как вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей [Горелов, с. 123], поскольку поздравление представляет собой именно такую типическую ситуацию. И мы без труда можем составить список поводов, которые с точки зрения той или иной лингвокультуры являются достаточными для инициирования коммуникативного взаимодействия, оформляемого при помощи речевого жанра поздравления. Тем не менее, эти поводы являются неравноценными. Например, рождение ребенка — это типичный повод для поздравления. И он является персонализированным, поскольку в начительной степени привязан к жизни поздравляемого в ее неповторимом развитии. Тот факт, что в жизни человека произошло некое событие (свадьба, рождение ребенка, выход на пенсию), выделяет этого человека из массы членов лингвокультурной общности — пусть только в конкретный отрезок времени, но все-таки выделяет, превращая его в центр всеобщего внимания. Проявляется это, прежде всего, в том, что персонализированное поздравление исключает взаимность, оно однонаправлено, и роли поздравителя и поздравляемого четко определены. Как в русской, так и в американской лингвокультуре реакцией на поздравление является благодарность: *Благодарю, Thank you* и под.

На противоположном конце находится такой повод, как общенациональный праздник (типичный пример, характерный и для русской, и для американской лингвокультуры, — это Рождество). В этом случае

повод является всеобщим, хотя и реализуется в совершении конкретных речевых актов, адресованных конкретным людям. Такой повод в каком-то смысле уравнивает всех членов общности. И выражается это в том, что общенациональный праздник допускает взаимные поздравления. Другими словами, общность повода оказывается настолько высокой, что оба участника коммуникации имеют право претендовать как на роль адресанта, так и на роль адресата поздравлений. В этом случае адекватным ответом является не только благодарность, но и ответное поздравление: рус. *С праздником! — Спасибо, и вас также*; амер. *A Happy New Year! — A Happy New Year!* или *Thank you, the same to you* [Томахин, с. 82].

Ряд праздников (например, 8 марта или 23 февраля в русской лингвокультуре) накладывают некоторые ограничения, и эти ограничения не допускают взаимности поздравлений. Так, 8 марта женщинам естественно ожидать поздравлений от мужчин, а взаимные поздравления (особенно в качестве приветствий) возможны только между женщинами. Тем не менее, с точки зрения норм культуры, идеальным оказывается положение, когда 8 марта мужчина поздравляет всех женщин (хотя в действительности это касается только тех, кто принадлежит к близкому кругу поздравителя, или тех, с кем он во время данного праздника вступает в социальный контакт). Другими словами, повод для поздравления выделяет обобщенную категорию людей, и обращение к этой категории в целом возможно лишь при соблюдении некоторых условий (например, в рамках массовой коммуникации, которая предоставляет конкретному человеку возможность обратиться «сразу ко всем»). В обычных межличностных взаимодействиях принадлежность к этой категории играет важную роль.

В американской лингвокультуре преобладают поздравления, поводом для которых является персонализированное событие, т.е. личное достижение (окончание обучения, получение новой работы, повышение по службе, приобретение недвижимости и т. д.). В русской лингвокультуре более распространены поздравления, привязанные к менее персонализированным событиям, т.е. к праздникам (Новому году, Рождеству, Дню св. Валентина, 23 февраля, 8 марта и т. д.).

Примечательно, что в американской лингвокультуре имеется два праздника (День отца и День матери), которые тоже являются общенациональными. И поздравления в этом случае, естественно, весьма распространены, однако сама суть этих праздников предопределяет тот факт, что дети поздравляют своих родителей. Указанные праздники тоже привязаны к социальным отношениям, но эти отношения все равно более персонализированы, поскольку в этом случае культура предписывает конкретному человеку поздравить другого конкретного человека (мать или отца соответственно). Сама суть праздника предполагает персонализацию поздравляемого, причем этот случай отличается от поздравления с максимально персонализированным поводом только тем, что все дети в соответствующий день поздравляют матерей или отцов.

Естественно, это различие не является абсолютным. И это не означает, что русские не поздравляют друг друга с окончанием высшего учебного заведения, рождением ребенка, а носители английского языка не поздравляют друг друга с праздниками и днями рождения (последние на шкале персонализированности повода занимают срединное положение). Скорее, речь в данном случае идет о преобладании тех или иных типов поздравлений.

Указанное различие проявляется в ряде моментов.

1) прежде всего, различия обнаруживаются и в составе поводов. Так, в англо-американской лингвокультуре нет ярко выраженной традиции поздравлять друг друга с общенациональными праздниками (вроде Дня рождения королевы в Великобритании и т. д.). Как указывает Дж. Л. Мей, «в Америке принято поздравлять людей с получением новой работы, достижением цели, выигрышем в лотерею (иногда даже до того, как это случилось, как в следующем невозможном (impossible) почтовом предложении: «Поздравляем! Возможно, вы уже выиграли!» («*Congratulations! You may already have won!*»))» [Мей, р. 341]. В русской лингвокультуре любой крупный общенациональный праздник является поводом для того, чтобы поздравить своих близких (либо, в условиях массовой коммуникации, аудиторию в целом);

2) различия между толкованиями метаконцептами «поздравление» и «congratulation» не выглядят особенно существенными, в обоих случаях речь идет о некотором приятном событии, которое и служит поводом для поздравления. Однако качественно различаются примеры-иллюстрации употребления этих слов. Для русских словарей (Малый академический словарь, Словарь С. И. Ожегова) типичным является пример «поздравление с днем рождения», для англо-американских толковых словарей — поздравление с событием, касающимся конкретного человека;

3) различия прослеживаются и при количественном исследовании материала. Так, например, количественное исследование русских и американских шаблонов смс-поздравлений, что в американских поздравлениях персонализированные поводы составляют 89 % от всех случаев, тогда как в русских текстах — всего 13 %.

В данном контексте необходимо также обратить внимание на тот факт, что формулы *Happy New Year!* и *Happy Birthday!* в строгом смысле поздравительными не являются. Дело в том, что эти формулы представляют собой пожелания, связанные с конкретным поводом (*Счастливого Нового года! Счастливого Дня рождения!*), а словоформула *Congratulations* в подобных случаях не используется [Формановская, Шевцова, с. 35]. И это еще один аргумент в пользу того, что поводы, на основании которых в русской и американской лингвокультурах инициируются речевые жанры поздравления, заметно различаются. По большому счету, это могло бы служить основанием для того, чтобы считать данные формулы не поздравлениями, но формами праздничных приветствий. Однако развернутые тексты, которые со-

ставляются американцами в связи с такими поводами, носят ярко выраженный поздравительный характер; часто они отправляются на почтовых открытках, что также позволяет считать их поздравлениями.

Кроме того, инвариант речевого жанра «поздравление», без которого проведение сопоставительного анализа двух лингвокультур невозможно, требует рассматривать данные формы как модификации одного речевого жанра. Во всех случаях обнаруживается два компонента, наиболее важных с точки зрения речевого жанра поздравления. Во-первых, это фоновое положительное отношение к фигуре адресата поздравления, которое является важнейшей предпосылкой инициирования данного речевого жанра; во-вторых, это наличие закрепленного культурными нормами повода для выражения этого положительного отношения. В действительности и русские, и американцы поздравляют друг друга и с праздниками, и с важными личными событиями, и разница между двумя лингвокультурами заключается лишь в акценте, который делается на определенном типе поводов.

Указанные особенности, позволяющие противопоставить русскую и американскую лингвокультуры, целесообразно объяснять с опорой на противопоставление коллективистского (восточного) и индивидуалистического (западного, европейского) культурных начал [Леонтович, с.102]. Общенациональный праздник как повод для поздравления будет более высоко котироваться в культуре с преобладанием коллективистского начала, тогда как индивидуалистическая культура наверняка будет уделять больше внимания персонализированным поводам, которые позволяют выделить отдельного индивидуума из общности. Бесспорно, коллективистская и индивидуалистическая культуры — это абстрактные типы, и в чистом виде этих культур не существует. И это невозможно, поскольку любая культура в той или иной степени является коллективистской, ибо одна из важнейших ее функций заключается в объединении людей, в создании общего, разделяемого всеми членами общности мира. Однако культуры различаются с точки зрения оценки индивидуального начала. Приведенные данные, касающиеся функционирования речевого жанра поздравления, со всей очевидностью доказывают, что в русской культуре коллективистское начало оказывается более сильным, а индивидуалистическое начало — более слабым, чем в американской лингвокультуре.

2. Еще одно явление, позволяющее увидеть специфику русской и английской лингвокультур на примере поздравления, — это то, что можно назвать «размыванием повода». Это явление касается скорее особенностей построения поздравлений, но само по себе оно представляет несомненный интерес в контексте рассматриваемого вопроса.

Как показало количественное исследование русских и американских смс-поздравлений, в английской лингвокультуре повод для поздравления обычно вербализуется непосредственно либо косвенно в самом тексте поздравления (97 % случаев, в которых повод либо вербализуется непосредственно, либо обыгрывается в тексте поздрав-

ления). Для русской лингвокультуры оказывается характерным отказ от вербализации повода (74 % поздравлений с поводами и 26 % поздравительных сообщений без повода, причем в 19 % случаев в тексте поздравления повод вообще никак не обыгрывается). Как правило, в таких случаях ядерный речевой акт речевого жанра поздравления заменяется другим речевым актом: пожеланием или, реже, похвалой. В итоге это приводит к тому, что появляется достаточно большое количество поздравительных текстов, которые можно назвать универсальными, поскольку они могут быть высказаны по различным поводам. Так, например, русское поздравительное смс-сообщение *С открытым сердцем и любовью желаю счастья и здоровья!* может быть отправлено и по случаю Нового года, и по случаю традиционных мужского и женского праздников, и по случаю дня рождения (как оно и подается на одном из Интернет-сайтов).

Причину этого можно видеть в обязательной краткости смс-сообщения, которая побуждает авторов смс-поздравлений избегать несущественных деталей. Однако краткость — это черта, присущая смс-поздравлениям в силу причин технического характера, и очевидно, что русские, как и американцы, в этом отношении находятся в аналогичных условиях. В каком-то отношении смс-общение можно сопоставить с искусственно созданными экспериментальными условиями, в которых участники эксперимента намеренно ограничивались бы в объеме составляемых смс-текстов. И этот естественный эксперимент, условия для которого создала сама жизнь, показывает, что повод для поздравления в русской культуре является менее обязательным для вербализации, чем в культуре американской.

Бесспорно, это не означает, что в русской лингвокультуре вербализация повода не принята или даже запрещена, тогда как в английской лингвокультуре вербализация повода является чем-то сугубо обязательным. Речь идет о тенденциях, которые обнаруживаются при исследовании материала с опорой на количественные методы.

Совершенно очевидно, что эта черта может быть объяснена в контексте противопоставления высоко- и низкоконтекстных культур [Леонтович, с. 175]. Русская культура, как известно, является низкоконтекстной, поскольку в ней более важную роль играют отношения между коммуникантами, а также установка на то, что противоположная сторона взаимодействия сумеет самостоятельно учесть обстоятельства. Американская культура, как и европейская культура в целом, напротив, является высококонтекстной, и на это, в частности, указывает огромная роль контрактных отношений, которые тщательно фиксируются и оговариваются в соответствующих документах.

3. Отличительной чертой русской лингвокультуры является феномен, который можно было бы назвать «антипоздравлением». В этом случае также имеется повод для поздравления, но этот повод нельзя считать приятным; скорее, это повод отрицательного свойства. Бесспорно, «антипоздравление» предполагает минимальную реализацию

речевого жанра, которая включает только речевой акт поздравления с указанием повода. По крайней мере, в проанализированном материале примеров развернутых «антипоздравлений» обнаружено не было.

Характерный пример мы находим в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова:

— *Иностранный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами, — тут Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партеру, а потом галерке.*

Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону конферансье.

— *Разве я выразил восхищение? — спросил маг у Фагота.*

— *Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, — ответил тот.*

— *Так что же говорит этот человек?*

— *А он попросту соврал! — звучно, на весь театр сообщил клетчатый помощник и, обратясь к Бенгальскому, прибавил: — Поздравляю вас, гражданин, совраши!*

Совершенно очевидно, что ложь, как и уличение во лжи, а тем более публичное уличение — это поступки и события, которые не заслуживают положительной оценки и выставляют личность в отрицательном свете.

Более того, некоторые примеры использования метаконцепта «поздравление» ясно свидетельствуют о том, что в русской языковой картине мира он используется в качестве выражения положительной оценки события как радостного, удачного. Подтверждение этому мы находим в «Мастере и Маргарите»:

— *Не желала бы я встретиться с вами, когда у вас в руках револьвер, — кокетливо поглядывая на Аззелло, сказала Маргарита. У нее была страсть ко всем людям, которые делают что-либо первоклассно.*

— *Драгоценная королева, — пищал Коровьев, — я никому не рекомендую встретиться с ним, даже если у него и не будет никакого револьвера в руках! Даю слово чести бывшего регента и запевалы, что никто не поздравил бы этого встретившегося.*

Очевидно, что отрицательный контекст в приведенном примере позволяет говорящему подчеркнуть тот факт, что встреча с Аззелло представляет собой для любого человека опасное по своим последствиям, а потому нежелательное, «плохое» событие.

Количественное исследование примеров из русских и английских художественных текстов показало, что в отношении использования «антипоздравлений» обнаруживаются существенные различия. Так, в произведениях русских писателей первой половины XX в. (М. Зощенко, М. Булгаков, А. Аверченко и др.) «антипоздравления» составляют 65 % от всех зафиксированных случаев (41 пример), тогда как в английских художественных текстах XX в. их было обнаружено всего 12 % из 32 примеров.

Здесь необходимо небольшое отступление. А. С. Дыбовский в связи с обсуждением культурных различий между русскими и японцами обращает внимание на тот факт, что русские в этикетных ситуациях более склонны к игровому поведению, которое может принимать достаточно грубые с точки зрения представителей других культур формы и заключается в вербализации того или иного смысла языковыми средствами с противоположной семантикой. В частности, когда один человек спрашивает у хозяина дома разрешение пойти в туалет, хозяин дома может ответить отрицательно: «Конечно, нельзя!» Русский, скорее всего, поймет этот ответ правильно, т.е. как основанный на иронии, а следовательно, положительный, и даже увидит в нем намек на то, что разрешения вообще можно было бы не спрашивать. Русским в этой ситуации понятно, что хозяин своими словами призывает гостя чувствовать себя, как дома. Однако японцев такой ответ ставит в тупик, т.е. вызывает у них «культурный шок», ибо они понимают его буквально, т.е. как запрет [Дыбовский, с. 112].

Проецируя наблюдения А. С. Дыбовского на функционирование речевого жанра поздравления в русской и американской лингвокультурах, можно утверждать, что «антипоздравление» является одной из ярких форм такого типичного для русских игрового поведения. При этом «безобидные» разновидности языковой игры (например, каламбуры, игра графическим оформлением слова) в одинаковой степени типичны как для русской, так и для американской лингвокультур.

Литература

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. М., 2004.

Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // *Вопр. языкознания*. 1997. № 1.

Дыбовский А. С. Ритуал и игра: о некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах (постановка проблемы) // *Изв. Восточного института Дальневосточного государственного университета*. 2006. Вып. 13.

Леонтович О. А. Русские и американцы. Парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.

Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // *Риторика-лингвистика*. Вып. 5. Смоленск, 2004.

Томахин Г. Д. Реалии-американизмы : пособие по страноведению. М., 1988.

Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет : русско-английские соответствия. М., 1990.

Meu J. L. *Pragmatics: An introduction*. Oxford, Blackwell, 1993.